

Литературный канон и женское письмо

Хильде Хогенбом

Переопределяя смысл жизни:

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА
И ЖЕНЩИНЫ - ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

Hilde Hoogenboom

Rethinking the Meaning of Life: Nineteenth-Century Russian Literary History and Women Writers

Хильде Хогенбом (Государственный университет Аризоны, доцент; PhD)
hilde.hoogenboom@asu.edu.

Hilde Hoogenboom (PhD; Associate Professor, Arizona State University) hilde.hoogenboom@asu.edu.

Ключевые слова: история русской литературы, романы XIX века, сентиментальный реализм, долг, женщины-писательницы

Key words: Russian literary history, 19th century novels, sentimental Realism, duty, women writers

УДК: 821.161.1
DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_61

UDC: 821.161.1
DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_61

Хотя феминистская история России существует уже давно, историкам русской литературы, в отличие от их европейских и американских коллег, с намного меньшим успехом удается восстанавливать репутации сочинительниц русских романов XIX века. Русский канон, построенный вокруг фигур Достоевского и Толстого, до сих пор приносит огромное удовлетворение ученым и читателям, однако теперь наступило время его пересмотреть и расширить. В этой статье предлагаются принципиально новые способы рассмотреть литературу в России, показывая, что она парадоксальным образом была по преимуществу иностранной.

While there has long been a good deal of feminist Russian history, feminist literary historians have had much less success recovering the reputations of nineteenth-century women novelists in Russia, when compared with the results of European and American feminist literary historians. The Russian canon of Dostoevsky and Tolstoy has been extremely satisfying, but today it is under a good deal of pressure to expand. This article proposes fundamental ways to change that traditional literary history by examining literature in Russia, which was overwhelmingly foreign, in a European context.

Нелегко переосмыслить место XIX века в русской литературе, — еще сложнее поставить под сомнение историографический нарратив, который уже два столетия воспринимается как удовлетворительный. Люди по всему миру чувствуют потребность читать русские романы. Они редко осознают ее причины, но

часто связывают их со «смыслом жизни». Литературный канон остается неотъемлемой частью русской имперской национальной идентичности, как культурной, так и политической. В первые десятилетия XX века облик русской литературы был буквально высечен в камне благодаря памятникам Пушкину, Гоголю, а позже Толстому и Достоевскому, и названным их именами улицам, который находились по всей Российской империи, а позже Советскому Союзу, особенно недалеко от границ [Reitblat 2021: 58–60, 62]. Большевики использовали классику, чтобы создать новое революционное наследие, превратив имена некоторых писателей в институты, которые продержались дольше Советского Союза. Сегодня украинцы сносят эти памятники и переименовывают улицы, названные в честь русских писателей.

В настоящее время, когда русская культура подвергается деколонизации, фундаментальным культурным вызовом остается такое переосмысление истории литературы XIX века, которое позволило бы включить в эту историю женщин-писательниц. При этом феминистские историки, начиная с Елены Лихачевой, работавшей в XIX веке, давно публикуют важные исследования гендерных вопросов в русской истории [Лихачева 1899–1901; Zirin et al. 2007–2015]. То немногое, что было сделано в области феминистских исследований о русских женщинах-писательницах XIX века, едва ли повлияло на современную ситуацию, хотя новое поколение ученых сейчас занимается этой темой. «Что в них хорошего?» — этот вопрос все еще звучит даже среди феминистки настроенных исследовательниц [Heldt 1992: 3, 5, 62; Kelly 1994: 69–78]. В Европе феминистские ученые успешно восстановили репутации Джейн Остин, сестер Бронте, Джордж Элиот и Жорж Санд. В своей классической истории американской женской литературы XIX века Джейн Томпкинс раскрывает процессы, которые постепенно заменили Харриет Бичер Стоу и других писательниц Готорном и Мелвиллом. Она точно называет свою главу о стирании женщин из канона «“Что в этом хорошего?”: Институционализация литературной ценности» [Tompkins 1985: 186]. Мы понимаем, что каноны преобразуются со временем, по мере изменения вкусов и преподавания литературы как в России, так и в Европе [Dejean 1988: 36; Reitblat 2021].

Двадцать пять лет назад Ирина Савкина изящно сформулировала проблему русских феминистских литературных исследователей: «...вопрос о том, как писать такую историю, не дублируя канон и не создавая “миниканон” или “антиканон”, остается еще открытым» [Савкина 1997: 368]. Недавние исследования о Марко Вовчок, Авдотье Панаевой и сестрах Хвоцинских показывают новые подходы, которые делают канон нерелевантным [Федотов, Успенский 2023; Hoogenboom, Bergman, 2026; Mauny 2022]. Оказывается, что наше внимание к канону заслонило увлекательные и глубокие аспекты русской литературы. В моей готовящейся к печати книге «Благородные чувства и успех русских романов: одна европейская литературная история» [Hoogenboom 2025] я намереваюсь фундаментально изменить наше представление о русской литературе XIX века: представить живую и полную картину истории, включив в нее женщин-писательниц, как русских, так и европейских, и увидеть в новом свете писателей, которых мы считали хорошо известными. Переосмысление истории литературы в России — где, по крайней мере, до 1850 года собственно русская литература играла удивительно незначительную роль, — и более основательная история сентиментализма меняют наше понимание истории книги и социологии чтения и в целом истории эмоций, либерализма и других идей, которые

тесно связаны с интеллектуальной традицией XVIII века. Это эссе позволит познакомиться с некоторыми из моих находок.

Я начала с вопроса, существовали ли влиятельные, выдающиеся женщины-романистки. Что произошло с Евгенией Тур и Надеждой Хвоцинской — двумя романистками, которые больше всего интересовали Достоевского, только что вышедшего из тюрьмы — когда воздвигался русский литературный пантеон?¹ Хвоцинская (1821—1889) — важнейшая писательница XIX века, о которой мы никогда не слышали. В 1870-е годы Хвоцинская была одним из самых высокооплачиваемых авторов толстых журналов, где в основном и публиковалась серьезная литература [Рейтблат 2009: 88; Gheith 2004: 74]. Спрос на ее произведения был таков, что она отказывалась от приглашений Достоевского и Тур (среди других) сотрудничать в их журналах². Старшая из сестер, известных как «русские Бронте», Хвоцинская была либералкой и пацифисткой, она за почти пятьдесят лет своей литературной карьеры написала более десятка романов и два десятка повестей. В 1876 году Иван Крамской написал ее портрет для серии изображений крупных писателей и художников, заказанных Павлом Третьяковым для его музея в Москве³. В 1883 году коллеги отметили ее 34-летнюю карьеру и 731 культурный деятель подписал поздравительное обращение. Два полных собрания ее сочинений были опубликованы посмертно⁴, а французский перевод ее повести «Риднева» продавался еще в 1916 году в серии «Littérature russe» издательства «Plon Nourrit». В свое время Хвоцинская была любимицей читателей и критиков. Но к тому времени, когда Д.С. Мирский опубликовал свою классическую «Историю русской литературы» на английском языке (1926), от Хвоцинской не осталось и следа.

Я открыла новый подход к литературным рынкам в двух важных феминистских проектах. Первый — голландская база данных «WomenWriters», которая отслеживает рецепцию женщин-писательниц и переводчиц по всей Европе до 1900 года. Второй — удостоившаяся премии Алдо и Дейн Скальоне за французские и франкофонные исследования Международной языковой ассоциации книга Маргарет Коэн «Сентиментальное воспитание романа», где доказано, что французский рынок написанных женщинами сентиментальных романов о долге был обширен и существовал более столетия. Эти проекты познакомили меня с работой Франко Моретти, посвященной количественному исследованию книжного рынка в Европе, и раскрыли для меня международное значение Жорж Санд. Я осознала, что никто ранее не использовал европейские данные для анализа российского рынка. Эти европейские данные показывают совершенно другую картину литературы в России по сравнению с той, что досталась нам от предшественников [Cohen 1999; Dijk, Wiedemann 2003; Moretti 1999; Dijk 2021].

-
- 1 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1985. С. 274. Письмо М.М. Достоевскому от 30 января — 22 февраля 1854 года.
  - 2 Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук. № 12092. Л. 3 — 3 об. Письмо Я.П. Полонскому от 22 сентября 1861 года.
  - 3 Живопись второй половины XIX века = Painting of the second half of the 19th century: каталог / Авт.-сост. Я.В. Брук; авт. вступ. ст. Л.И. Иовлева; отв. ред. Л.И. Иовлева. М.: Красная площадь, 2001. С. 300.
  - 4 *Хвоцинская Н.Д.* Собр. соч. В. Крестовского (псевдоним): В 5 т. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1892; *Ее же.* Полн. собр. соч. В. Крестовского (псевдоним): В 6 т. СПб.: Тип. А.А. Каспари, 1912—1913.

Я обнаружила, что истории русской литературы XIX века полны стереотипов. Женщины-писательницы были сентиментальными. Сентиментализм был второсортным. Русская литература была реалистической, а реализм был литературой первого сорта. Великих писателей было очень немного. Их произведения уникально русские. В историях российского книжного рынка я нашла другие стереотипы. Россия была литературным и интеллектуальным захолустьем. Читателей и писателей было немного. Читатели были просвещенными и читали только классические произведения на французском, английском и немецком.

Усомнившись в этих стереотипах, я обратилась к данным. Я познакомилась с разделом Z — библиография, библиотековедение, информационные ресурсы — библиотеки Университета Колумбии. Каталоги содержат полный жизненный цикл произведений в их многочисленных изданиях и переводах. Данные из различных библиотечных каталогов раскрывают скрытую историю переводов и поразительное единство европейских и российского литературных рынков. В России обнаружилось множество женщин-романисток — в переводах.

Данные российского и европейских литературных рынков подрывают саму предпосылку национальных литературных историй. Историки литературы обычно фокусируются на своих собственных нациях и языках, игнорируя переводы и переиздания произведений, исключая из своих исследований то, что на самом деле читали и писали все. Софи Коттен умерла в 1807 году, но ее пять сентиментальных романов были самыми публикуемыми и переводимыми романами в Европе до 1850-х годов, то есть дольше, чем продлился успех произведений Вальтера Скотта, пошедший на спад после его смерти в 1832 году. Даже в Англии и Франции, где производилось много романов, переводы составляли 20% рынка, благодаря чему немцы Август Коцебу и Август Лафонтен были в числе пяти самых успешных и широко читаемых авторов, наряду с мадам Жанлис. На другом полюсе была Россия, где до 1850-х годов переводы составляли 90% рынка романов. Историки игнорируют переводы и переиздания бестселлеров, особенно сентиментальной классики, и забывают впечатляющие международные карьеры популярных авторов, особенно женщин. Когда они создают каноны и пренебрегают популярной литературой и женщинами-писательницами, литературные историки упускают масштабный панъевропейский диалог, который разворачивался на протяжении более чем двух веков.

В России уже давно жалуются на свою географическую изоляцию и отсутствие культуры, но данные показывают, что страна была в центре интеллектуальной жизни Европы XIX века. Санкт-Петербург и Москва вместе формировали один из крупнейших литературных рынков в Европе после Лондона и Парижа. Франко Моретти подчеркивает, почему размер имеет значение: «...меньший рынок... ведет себя не так же, как большой, только в другом масштабе: он ведет себя *иначе*. Вместо того чтобы импортировать треть или десятую часть каждой доступной формы, он выбирает очень мало из них и “вычеркивает” остальные» [Moretti 1999: 177]. В этих двух культурных столицах критическая масса многоязычных читателей могла выбирать из разнообразной европейской литературы на оригинальных языках и в переводах. Российский рынок был переполнен европейской литературой, но это оказалось значительным литературным преимуществом. Писатели и их читатели были чрезвычайно хорошо начитаны, несмотря на опасения, что они находятся слишком далеко от Европы, чтобы оставаться на одном с ней уровне [Meyer 2008: 11, 15–16].

Имея перед глазами европейскую литературную империю, российские писатели читали то же, что и все остальные, — Коцебу, Жанлис, Лафонтена, Коттен и Санд. Эти бестселлеры сентиментальных авторов были ключевыми узлами в интенсивных, продолжительных диалогах, шедших по всей Европе.

Вопреки истории литературы, именно сентиментализм, а не реализм был клеем, который держал вместе международный литературный рынок более столетия⁵. Поскольку при создании литературных хронологий историки учитывают только первые издания канонических произведений, они ошибочно отменяют предыдущее движение, когда появляется новое. Они говорят нам, что на смену классицизму стремительно пришли сентиментализм и романтизм, а затем и реализм, который царил в XIX веке. Мое внимание к переизданиям и переводам обширного спектра литературы, а не только нескольких произведений, позволяет увидеть, что эти течения перекрывали друг друга и вступали в гибридные отношения с сентиментализмом. Писатели ввели моральную драму, лежавшую в основании сентиментализма, в исторические, готические и другие жанры. Все были сентименталистами или сентиментальными реалистами.

Сентиментализм царил более столетия, с 1750 по 1850 год, потому что он вовлекал читателей в драматическую битву между моральной добродетелью и страстью. Маргарет Коэн утверждает, что сентиментальные романы были посвящены сдерживанию эмоций во имя долга перед другими — ради общего блага [Cohen 1999]. Сентиментализм также создал представления о новом, очень спорном долге — долге перед собственным счастьем. Шотландский писатель Генри Маккензи иронично окрестил это «войной долгов», потому что персонажи погружались в переживания, страдая от конфликтующих долгов перед собой и своими возлюбленными, супругами, родителями, правителем и Богом. Литературные герои и читатели вели возвышенные беседы о морали, обсуждая, насколько хорошо персонажи справляются со своими конфликтующими обязанностями. Писатели проявляли свою оригинальность, представляя новые вариации этих обязанностей. Например, в «Мертвых душах» Чичиков читает «Герцогиню де Ла Вальер» (1804) госпожи Жанлис, жгучую критику разврата при дворе Людовика XIV, посвященную Луизе де Лавальер, чьи конфликтующие обязанности связаны с одним человеком: король — ее возлюбленный, отец ее детей и ее король.

Русские переводчики и писатели испытывали заметные затруднения, пытаясь подобрать понятия и слова для «войны долгов». Они привыкли вольно обращаться с текстами, чтобы сделать их приемлемыми и понятными для читателей. Изначально они переводили все ссылки на долг, используя русские слова, чтобы обозначить долг по службе («должность») или долг перед Богом («долг»). Например, переводчики бестселлера Сэмюэля Ричардсона в конце XVIII века описывают основной долг служанки Памелы (ее долг по отношению к добродетели) как «должность».

Когда русские адаптировали европейскую «войну долгов» к своей культуре благородной службы, они разработали более тонкий язык долга. К началу XIX века писатели начали различать четыре его типа: служебный долг (должность), долг (который теперь в основном был не религиозным), моральная обязанность и юридическое обязательство. Каждый русский писатель, которым я

5 По мнению Бенедикта Андерсона, международные сообщества возникли благодаря публикациям реалистических романов Бальзака и других [Anderson 2006: 24].

занимаюсь, последовательно использовал эти термины. Они явно предпочитали либо долг, либо обязанность, оставив ранее преобладающую должность на заднем плане. Пользуясь этим новым моральным словарем, писатели и читатели включились в европейский разговор о человеческой природе и воспитании добродетели и в конечном итоге поставили его под вопрос.

Отличаясь определенным оппортунизмом, сентиментализм позволил писателям и бросать вызов общественному строю, и защищать его. Он был одновременно революционным и консервативным течением. Дворяне могли влюбляться в людей низкого происхождения, прежде чем найти себе супруга из подобающего круга и тем самым восстановить общественный и политический порядок. Слуги и крепостные тоже могли полюбить неподобающего человека. «И крестьянки любить умеют»⁶, — уверял Карамзин читателей «Бедной Лизы». И все же эти крестьянки, как и сама бедная Лиза, приносили свою любовь в жертву правилам общества. Сентиментальные романисты блестяще овладели такой политической и культурной двусмысленностью в отношении общественной иерархии и норм.

Именно этот сентиментализм увлекал великих мыслителей и писателей от французских *философов* до Джона Локка, Адама Смита, госпожи Жанлис, Джейн Остин и Харриет Бичер Стоу. Они обсуждали, как лучше укротить жестокие страсти человеческой природы с помощью нравственного воспитания ради общественного блага. В XVIII веке моральные трактаты по образованию Локка, Смита и Руссо были более влиятельными, чем политические и экономические трактаты, благодаря которым их знают сегодня. В XIX веке такие разные писатели, как Вальтер Скотт, Анна Радклиф, Оноре де Бальзак, Жорж Санд и Энтони Троллоп, использовали нравственные схватки сентиментализма с реализмом в своих исторических, готических, романтических, идеалистических и викторианских романах. Д.С. Мирский и Михаил Бахтин называли эту гибридную эстетику «сентиментальным реализмом»⁷.

Сентиментализм долго высмеивали и не понимали. Это недоразумение удивительно актуально до сих пор, потому что дебаты XVIII века о человеческой природе лежат в основе двух новых областей знания: неолиберализма и истории эмоций. Неолибералы опираются на подход Локка к праву собственности в его трактатах о правлении и на «Богатство народов» Адама Смита. Выбирая из прошлого подходящие для себя фрагменты, они характеризуют Локка как крайнего индивидуалиста, игнорируя его основополагающую веру в обязанности индивида способствовать общему благу, которая станет визитной карточкой сентиментализма. Такое же несоответствие возникает относительно труда Смита. Это называется «проблемой Адама Смита» и остается плодотворным вопросом — как можно согласовать работы, которые он дорабатывал и переиздавал до своей смерти, «Теорию нравственных чувств» (1759) и его поздний экономический трактат (1776) [Fleischacker 2019; Otteson 2002; Sen 2009]. Хелена Розенблатт утверждает, что настоящая история либерализ-

6 Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. Т. 1 / Подгот. текста и примеч. П.Н. Беркова. М.; Л.: Художественная литература, 1964. С. 607.

7 Благодарю свою коллегу Кристин Холбо, обратившую мое внимание на этот термин, который используется и ею самой, и Греггом Кэмфильдом в его работе об американских романах XIX века [Бахтин 1979: 345; 1997: 304–305; Mirsky 1999: 178–179; Holbo 2019: 28].

ма восходит к характерному для XVIII века представлению о нравственном или чувствительном воспитании в человеческом сознании долга перед обществом и общим благом [Rosenblatt 2018].

В своем классическом исследовании истории эмоций Уильям Редди схожим образом игнорирует установку сентиментализма на защиту общего блага. Он сосредотачивается на чувствах, а не на необходимости их сдерживать. Редди утверждает, что сентиментализм наделил бедных тонкой чувствительностью, чтобы представить их как полноправных людей. Даже крестьянки и служанки — «самые простые, мало образованные, скромные Памелы» [Reddy 2001: 166; 2009: 330] — могли выражать свою добрую природу. Но у Сэмюэля Ричардсона служанка Памела не просто утверждает добродетель. В конце романа она критикует трактат Локка «Мысли о воспитании». Скромные Памелы показывают, что низшие классы могут сдерживать свои страсти и формулировать свое чувство долга перед другими и перед Богом. Идея о том, что слуги — а не только собственники — способны управлять собой цивилизованным образом, была действительно радикальной. Читатели просили Ричардсона сделать ее критику более правдоподобной, улучшив в речи Памелы особенности языка рабочего класса. Тем не менее роман заканчивается консервативной нотой, одновременно поддерживая статус-кво и не вполне следуя ему. Памела преображает своего развратного нанимателя, аристократа мистера Б., который женится на ней, несмотря на ее низкое происхождение, и у них рождается сын.

Стереотипные представления о сентиментализме использовались, чтобы принизить значение женщин-писательниц и подорвать их контроль над рынком. Мужчины осуждали женщин-писательниц за сентиментализм, даже когда сами подражали их романам и претендовали на их тиражи и репутацию. Мы долго принимали их точку зрения на веру, предполагая, что произведения женщин не стоили того, чтобы их читали, и плохо продавались. Рыночные данные дают совершенно иную картину. Жорж Санд доминировала на мировых рынках начиная с 1830-х годов, особенно в России. Почему же Тургенев — который еще не написал ни одного романа — критиковал Санд и Евгению Тур в своей статье 1851 года: «...в женских талантах (и мы не исключаем самого высшего из них — Жорж Санда) есть что-то неправильное, нелитературное, бегущее прямо из сердца, необдуманное, наконец...»? Несмотря на это, Тургенев и Достоевский учились писать романы у Санд и Тур и стремились добиться такой же прибыли и такого же успеха⁸.

Это приводит нас к последней некритически усвоенной идее: что русские писатели были уникальны. Действительно, они были необычными, но не в том смысле, в котором мы себе это представляем. Обычно мы отделяем русских писателей от европейских, опираясь на их индивидуальные свойства, такие как литературная техника или тематика. Мы следуем за самими этими писателями, которые определяли себя как уникальных — Пушкин написал роман в стихах, а Толстой заявил, что «Война и мир» вообще не роман. Я обнаружила, что они были уникальны как общественная группа. Русские писатели — и мужчины, и женщины — присвоили себе европейский разговор о «войне долгов». Они адаптировали сентиментальную нравственную драму, заимствованную из европейской литературы, к своей уникальной культуре благородной службы.

---

8 Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 486.

Чтобы русифицировать sentimentalный конфликт между разными типами долга, российским дворянам потребовались десятилетия. Могли ли они принять на себя иные обязанности, кроме служения Российской империи и государю? В «Воскресении» князь Нехлюдов, альтер эго Толстого, разрывается между долгом по службе и долгом перед Богом. Какова была роль благородных героинь в культуре службы? Пушкин поднял этот вопрос в «Капитанской дочке». Могут ли новые обязанности перед обществом ограничить дворянский произвол по отношению к другим? В «Братьях Карамазовых» Дмитрий, уже попав в тюрьму, наконец открывает в себе чувство долга по отношению к другим, а жизнь отца Зосимы и история, которую рассказывает его загадочный посетитель, подсказывают, что без веры в Бога русские люди не могут контролировать свои страсти. Могут ли дворяне оправдать долг перед собой, долг быть счастливыми, учитывая огромные проблемы России, особенно наследие крепостничества? В своем последнем романе «Обязанности» (1886) Надежда Хвоцинская ответила на этот вопрос положительно, как и Тургенев в «Отцах и детях». В нравственном тупике, порожденном крепостным правом, русские писатели и читатели обсуждали смысл жизни, пытались справиться со своими обязанностями и задаваясь вопросом, могут ли представления о долге перед другими радикально изменить Россию.

Я намеренно не занимаюсь оценочными суждениями — в отношении литературных произведений они всегда остаются спорными, потому что вкусы меняются со временем, а воздействие на них рынка всегда актуально. Советские и даже современные феминистские критики утверждают, что Хвоцинская не была Джордж Элиот, или Шарлоттой Бронте, или даже Жорж Санд. Поразительно, что именно с этими романистками критики XIX века сравнивали Хвоцинскую и Тур. Де Вогюэ сопоставлял Тургенева и Толстого с Джордж Элиот, пытаясь убедить европейцев, что их стоит читать. Он пояснял, что Элиот была литературной наследницей великого sentimentalного романиста Сэмюэля Ричардсона [Vogüé 1886: xxxviii—xlii]. Джордж Элиот, которую читатели XIX века любили за ее sentimentalный реализм, — это не та же самая Джордж Элиот, которую современные критики хвалят, а иногда критикуют как реалистку [Ibid.: xxxviii—xlii; Knoerpfmacher 1968; Kelly 1994: 69—74].

Еще многое предстоит сделать, чтобы вновь открыть русских писательниц XIX века. Их произведения заслуживают чтения, переиздания, перевода и изучения как части европейской интеллектуальной истории. Произведения женщин до сих пор хранятся в архивах и научных библиотеках. Ученые потратили десятилетия в архивах и библиотеках, чтобы подготовить собрания сочинений и писем, сборники журнальных статей и воспоминаний о Пушкине, Достоевском и Толстом. То же самое и даже больше нужно сделать и для писательниц того времени⁹.

Женщинам, как и мужчинам, нужно, чтобы их жизненные истории были изложены в биографиях, привлекающих внимание читателей и ученых. Уже в XVIII веке издатели поняли важность биографий для маркетинга и продаж книг; в этом жанре работали Сэмюэль Джонсон и Вальтер Скотт. Написанная Элизабет Гаскелл биография Шарлотты Бронте и семейная биография Джейн

9 Славянофилка Надежда Соханская первой из русских писательниц удостоилась полного собрания сочинений под редакцией О.Л. Фетисенко (см.: *Соханская Н.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 7 т. Т. 1. СПб.: Владимир Даль, 2023).

Остин, принадлежащая Джеймсу Эдварду Остин-Ли, создали новое поколение читателей их романов. Редакторы Надежды Хвоцинской понимали этот рыночный принцип и пытались убедить ее — тщетно — отказаться от мужского псевдонима В. Крестовский и разрешить публикацию своей биографии, что привлекло бы новых читателей. Сестры Хвоцинские ревностно охраняли свою анонимность, отвечая отказом на все просьбы предать гласности их биографии или хотя бы имена¹⁰. Нам нужно написать биографию, которую они заслужили, но не позволили написать.

Наконец, чтобы реконструировать, каковы были влияние и важность писательниц, нужно рассматривать их в международном контексте. Международные литературные сети, в отличие от традиционных историй литературы, не позволяют игнорировать своеобразие, рецепцию и циркуляцию произведений писательниц и переводчиц [Dijk et al. 2004]. Внимание к международным литературным сетям и переводам выделяет недавние многообещающие работы, посвященные Марко Вовчок и Авдотье Панаевой [Mauny 2022; Федотов, Успенский 2023].

Новое поколение ученых работает над важными составляющими этого проекта. В 2022 году, к 200-летию со дня рождения Надежды Хвоцинской, мы проводили конференции, подготовили публикации, переводы и веб-сайт для ее произведений и писем. Ученые прочитали более 500 архивных писем Хвоцинской и уже опубликовали 116 на русском языке¹¹. Вместе эти мероприятия и публикации позволяют создать центр по исследованию творчества других женщин. Несколько сотен страниц любовных писем Евгении Тур и ее наставника Николая Надеждина, остающиеся в архивах, могли бы рассказать истории, которые привлекут читателей к ее романам и повестям (только одна из них была переведена). Архивная работа отражает рост исследовательского интереса к малоизученным российским писателям — процесс, который происходит в том числе благодаря двум онлайн-семинарам в Нью-Йоркском университете: «XIX век: рабочая группа по культуре России XIX века» и «Другой XIX век», — создающим возможности для встречи между разными учеными.

Мы уже можем начать количественно оценивать роль российских писательниц и переводчиц в европейских литературных сетях, а также европейских писательниц в России. К счастью, мы можем использовать данные о переводах и переизданиях из каталогов в базе данных «WomenWriters» [Dijk 2021]. Это возможно благодаря проекту «Новые подходы к женщинам-писательницам» («New approaches to European Women's Writing») в Институте истории Нидерландов, входящем в Королевскую нидерландскую академию искусств и наук. Этот проект прослеживает до 1900 года внутреннее и международное восприятие более чем 10 тысяч женщин-писательниц из более чем 25 европейских стран, включая более 500 российских писательниц. Эти данные показывают, что сочинения Жорж Санд были переведены более чем на 20 языков по всему миру. Сара Дикинсон в Университете Генуи обратилась к международным литературным сетям, чтобы раскрыть любопытную историю первого опубликованного романа российской писательницы. В 1784 году Наталья Макарова (Не-

10 «Я живу от почты до почты»: Из переписки Н.Д. Хвоцинской / Сост. А. Розенхолм, Х. Хорембом. Fichtenwalde: F.K. Göpfert, 2001. С. 2. См. также: [Gheith 2004: 195].

11 Khvoshchinskaya Sisters Digital Collection // <https://khvoshchinskies.web.illinois.edu> (дата обращения: 26.11.2023).

елова) включила свое оригинальное произведение «Лейнард и Термилия» в свой перевод романа плодотворной французской писательницы мадам Мадлен-Анжелик де Гомес (1684—1770), пользовавшейся успехом в русских переводах [Dickinson 2023].

Эти связи между Францией и Российской империей лишь часть общей картины. Российские женщины также входили в литературные сети в Скандинавии и Восточной Европе [Partzsch, Parente-Šarková 2023]. Эти региональные сети существовали благодаря тому, что немецкие издательства имели магазины по всей Восточной Европе и Российской империи. Хвоцинская была узлом не только в региональных, но и в основных французских и английских литературных сетях. Она переводила романы на русский с итальянского и норвежского, а также с французского и немецкого — эти переводы составляли более четверти ее творчества. Произведения Хвоцинской были переведены на шведский, сербскохорватский и чешский, а также на французский, немецкий, итальянский и несколько позже на английский. Европейские читатели русской литературы XIX века знали творчество Хвоцинской.

Я надеюсь, что читатели моей книги и этого эссе обратятся с новым интересом к русской и европейской классике, которая кажется нам хорошо знакомой. Пристальное внимание к «войне долгов» меняет наше понимание сюжетов и персонажей от княжны Болконской и Николая Ростова Толстого до Элинор Дэшвуд и Эммы Вудхауз Остин и Эмили Уортон с Роджером Карбери Троллопа. И я надеюсь, что читатели откроют для себя Жорж Санд, столь любимую читателями прошлого. Это она вновь начала международное обсуждение любви, долга и добродетели, на котором выросло новое поколение российских писателей. Когда эти писатели попытались создать новое литературное созвездие, им удалось преобразить всю европейскую литературную империю.

Литература / References

- [Бахтин 1979] — *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979.
- (*Bakhtin M.M.* Estetika slovesnogo tvorchestva / Comp. by S.G. Bocharov; comment. by S.S. Averintsev and S.G. Bocharov. Moscow, 1979.)
- [Бахтин 1997] — *Бахтин М.М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1997.
- (*Bakhtin M.M.* Sobr. soch. In 7 vols. Vol. 5. Moscow, 1997.)
- [Лихачева 1899—1901] — *Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России (1086—1856): В 2 т. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1899—1901.
- (*Likhacheva Ye.O.* Materialy dlya istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii (1086—1856): In 2 vols. Saint Petersburg, 1899—1901.)
- [Рейтблат 2009] — *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- (*Reytblat A.I.* Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury. Moscow, 2009.)
- [Савкина 1997] — *Савкина И.* Кто и как пишет историю русской женской литературы // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 359—372.
- (*Savkina I.* Kto i kak pishet istoriyu russkoy zhenskoy literatury // Novoe literaturnoe obozrenie. 1997. No. 24. P. 359—372.)
- [Федотов, Успенский 2023] — *Федотов А., Успенский П.* «Панаевский цикл» Николая Некрасова: поэтика эмансипации и мейнсплейнинга // Die Welt der Slaven: Internationale Halbjahresschrift

- für Slavistik. 2023. Vol. 68. Nr. 1. S. 128—163.
- [Fedotov A., *Uspenskiy P.* “Panaevskiy tsiki” Nikolaya Nekrasova: poetika emansipatsii i meynspleyninga // Die Welt der Slaven: Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. 2023. Vol. 68. Nr. 1. S. 128—163.)
- [Anderson 2006] — *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. New York: Verso, 2006.
- [Cohen 1999] — *Cohen M.* The Sentimental Education of the Novel. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.
- [DeJean 1988] — *DeJean J.* Classical Reeducation: Decanonizing the Feminine // Yale French Studies. 1988. Vol. 75. P. 26—39.
- [Dickinson 2023] — *Dickinson S.* N.A. Neelova’s Literary Experiment: French Novels and the Elite Woman Writer in Eighteenth-Century Russia // Russia, Europe and the World in the Long Eighteenth Century: Proceedings of the Xth International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia / Ed. by R. Baudin et al. Strasbourg: Presses Universitaires de Strasbourg, 2023. P. 158—166.
- [Dijk et al. 2004] — “I Have Heard about You”: Foreign Women’s Writing Crossing the Dutch Border, From Sappho to Selma Lagerlof / Ed. by S. van Dijk et al. Hilversum: Verloren, 2004.
- [Dijk 2021] — *Dijk S. van.* NEWW WomenWriters // <http://resources.huylgens.knaw.nl/womenwriters>. (accessed: 09.07.2021).
- [Dijk, Wiedemann 2003] — George Sand: La réception hors de France au XIXe siècle / Ed. by S. van Dijk and K. Wiedemann // Oeuvres & Critiques. 2003. Vol. 1. N° 28.
- [Fleischacker 2019] — *Fleischacker S.* Being Me Being You: Adam Smith and Empathy. Chicago: University of Chicago Press, 2019.
- [Gheith 2004] — *Gheith J.M.* Finding the Middle Ground: Krestovskii, Tur, and the Power of Ambivalence in Nineteenth-Century Russian Women’s Prose. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2004.
- [Heldt 1992] — *Heldt B.* Terrible Perfection: Woman and Russian Literature. Bloomington: Indiana University Press, 1992.
- [Holbo 2019] — *Holbo C.* Legal Realisms: The American Novel Under Reconstruction. New York: Oxford University Press, 2019.
- [Hoogenboom 2025] — *Hoogenboom H.* Noble Sentiments and the Rise of Russian Novels: A European Literary History. Toronto: University of Toronto Press, 2025. In press.
- [Hoogenboom, Berman, 2026] — The Sisters Khvozhchinskaiia / Ed. by H. Hoogenboom, A. Berman. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2026. In press.
- [Kelly 1994] — *Kelly C.* A History of Russian Women’s Writing, 1820—1992. Oxford: Oxford University Press, 1994.
- [Knoepfelmacher 1968] — *Knoepfelmacher U.C.* George Eliot’s Early Novels: The Limits of Realism. Berkeley: University of California Press, 1968.
- [Mauny 2022] — *Mauny P. de.* Ivan Tourgueniev, Marko Vovtchok et Pierre-Jules Hetzel: stratégies littéraires et éditoriales. Paris: Université Sorbonne Nouvelle, 2022.
- [Meyer 2008] — *Meyer P.* How the Russians Read the French: Lermontov, Dostoevsky, Tolstoy. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2008.
- [Mirsky 1999] — *Mirsky D.S.* A History of Russian Literature: From Its Beginnings to 1900 / Ed. by F. Whitfield. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1999.
- [Moretti 1999] — *Moretti F.* Atlas of the European Novel: 1800—1900. New York: Verso, 1999.
- [Ottesson 2002] — *Ottesson J.R.* Adam Smith’s Marketplace of Life. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- [Partzsch, Parente-Čapková 2023] — Travelling Texts: The Transnational Circulation of Women’s Writing at the Fringes of Nineteenth-Century Europe / Ed. by H. Partzsch, V. Parente-Čapková. Leiden: Brill, 2023.
- [Reddy 2001] — *Reddy W.M.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. New York: Cambridge University Press, 2001.
- [Reddy 2009] — *Reddy W.M.* Emotional Turn? Feelings in Russian History and Culture: Comment // Slavic Review. 2009. Vol. 68. No. 2. P. 329—334.
- [Reitblat 2021] — *Reitblat A.I.* The Making of the Russian Classic // Publishing in Tsarist Russia: A History of Print Media from Enlightenment to Revolution / Ed. by Y. Tatsumi and T. Tsurumi. London: Bloomsbury, 2021. P. 37—67.
- [Rosenblatt 2018] — *Rosenblatt H.* The Lost History of Liberalism: From Ancient Rome to the Twenty-First Century. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2018.
- [Sen 2009] — *Sen A.* Introduction // Smith A. The Theory of Moral Sentiments / Ed. by R.P. Hanley. New York: Penguin Books, 2009. P. VII—XXVI.
- [Tompkins 1985] — *Tompkins J.* Sensational Designs: The Cultural Work of American Fiction, 1790—1860. New York: Oxford University Press, 1985.
- [Vogüé 1886] — *Vogüé E.M. de.* Le roman russe. 1er ed. Paris: Plon-Nourrit, 1886.
- [Zirin et al. 2007—2015] — Women & Gender in Central and Eastern Europe, Russia, and Eurasia: A Comprehensive Bibliography: In 2 vols. / Ed. by M. Zirin et al. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2007—2015.